

О.Я. Ноздрин (Орел)

ЕВРОПЕЙСКИЕ ВОЛОНТЕРЫ РУССКОЙ АРМИИ XVIII ВЕКА

Понятие «волонтер», происходившее от латинского «voluntarius» через французское «volontaire», означало приписанного к армии своекоштного добровольца, формально остающегося вне службы. При сохранении прочих толкований, в XVIII в. оно утвердилось как часть повседневного военного лексикона.

Первое его использование не отличалось особым оптимизмом. Летом 1664 г. переводные немецкие «Куранты» сообщали, как «французской пехоты четыре тысячи человек опричь волонтар вчера рано отселе пошли земляным путем к Одембурку и далее в Стенгермарк итти, и в пути zelo деревни грабят, и для того генерал Монс из них несколько велел повесить...»¹.

Решительность полководца впечатлила московские власти. Дисциплинируя подданных, они наделили слово воспитательным смыслом. Вскоре «великое европейское посольство» 1697–1698 гг. включило особых «валонтиров»² или составивших дипломатическую свиту «охочих к учебе молодых дворян», оставленных за границей совершенствоваться в искусствах и упражнениях.

Насколько охотно усваивались знания, показывает случай будущего сенатора, генерал-адмирала и президента Адмиралтейств-коллегии князя Михаила Михайловича Голицына (1681–1764)³, с 1708 г. проходившего волонтерскую подготовку на кораблях нидерландского флота. 2 апреля 1711 г. он писал из Амстердама: «При помощи Божией, жив в обремененных моих печалих и тягостях. Житие пришло мне самое бедственное и трудное. Первое, что нищета; паче же — разлучение. Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке положить, а не принять будет; не зная языка, не научиться науке. Которая наша братья

приехали для обучения к той же науке, и ни единого не было, кто не знал бы латыни, да и те в три года и половины освоить не может. А про меня вы сами знаете, что кроме природного языка никакого не могу знать, да и лета мои уже ушли от науки, а паче всего в том моя тягость, что на море мне быть невозможно, из-за того, что весьма качает»⁴.

Плоды просвещения оказались горького вкуса. Страдавший морской болезнью князь просился домой, не находя сочувствия одержимого пользой царя, позволившего вернуться только в 1717 г.

В 1722 г. произошло закрепление правового статуса добровольцев, регламентирование их относительной свободы и преимущественно военного характера⁵. Указ от 28 февраля предписывал «принимать волонтеров в службу из иноземцев чином ниже противу российских подданных... Ежели которые иноземцы в службе его императорского величества похотят быть временно, и таковых против российских рангами унижить, разве кто даст такой реверс, что по смерти им здесь остаться»⁶.

Традиции волонтерства имели прочные основания. С одной стороны, волонтерскими назывались формирования наемников, подобно французским регулярным полкам «Королевских волонтеров» (Regiment des Volontaires Royaux) и «Волонтеров маршала Мориса Саксонского» (Volontaires du Marechal de Saxe).

Под волонтерами так же понимали дворян, совершавших с дружественной армией одну или несколько кампаний в качестве наблюдателей, военных агентов, представителей союзного двора. Подобные занятия считались уместными даже августейшим фамилиям. Например, в 1652 г. будущий король Англии и Шотландии (1685–1689) Джеймс II (VII) Стюарт, а пока восемнадцатилетний герцог Йоркский (1633–1701), совместно с полковниками Джоном Беркли (1602–1678)⁷ и Робертом Верденом (1622–1690)⁸ числился волонтером под началом французского маршала Анри де Ла Тур д'Оверна, виконта де Тюренна (1611–1675)⁹.

Готовность аристократов воевать за иноземного государя символизировала симпатии и почтение принимающей стороне, обязывая ее демонстрировать сходные чувства. Этикетная форма подобных обменов существенно дополняла политические договоренности. Наличие иноземной знати поднимало престиж страны, позволяя уравновесить или превзойти репутационные достижения соперников.

Отсутствие у Шарля Эжена де Кроа (1651–1702) стратегических дарований не отменяло факта, что царской армией осенью 1700 г. под Нарвой командовал герцог. Ответом сражавшемуся за шведов принцу Максимилиану Эммануилу фон Вюртемберг-Винсентальскому (1689–1709) стал переход на русскую службу в 1707 г. принца Фридриха фон Гессен-Дармштадтского (1677–1708).

В 1723 г. сразу два пемецких принца братья Людвиг Вильгельм (1705–1745) и Иоганн Карл (1706–1728) фон Гессен-Гомбургские отправились в Россию, пожалованные старший – полковником, младший – капитаном гвардии. В 1733 г. их путь повторил Антон Ульрих, принц фон Брауншвейг-Люнебургский (1715–1774), назначенный командовать Бевернским кирасирским (прежде Ярославским драгунским) полком с 12 000 годовым жалованьем¹⁰. Его примеру последовал Петер Август Фридрих, принц фон Голштейн-Бекский (1698–1775), в 1737 г. по просьбе матери герцогини Луизы Шарлоты получивший звание полковника.

А уже 5 июня 1738 г. «Санкт-Петербургские Ведомости» извещали читателей, как «Прибывший сюда из Англии милорд Крафорт¹¹, по осмотре всяких любопытных и зрелищ достойных в сем городе вещей, прошлой субботы со всею своею свитою, к армии отправился, куда равным образом недавно к здешнему двору прибывший граф Кристиан Людвиг фон Изенбург¹², Немецкого ордена кавалер, действительный камергер и подполковник гвардии его королевского величества Шведского, волонтером поехал»¹³.

Имея приличное собрание князей и принцев, Анна Иоанновна увереннее держала императорскую корону.

Иноземные визитеры занимали особое место. Сохраняя свободу рук, они фактически приравнялись к высшему офицерскому составу. Осенью 1759 г. находившийся в главной квартире австрийской армии Иван Шпрингер докладывал в Санкт-Петербург: «Сего 15 дня яко в день тезоименичества императрицы королевны Венгеро-Богемской прибыло сюда вашего императорского величества артиллерии с ея припасами и с командою: четыре пушечных гаубиц и два единорога, под повелением от артиллерии капитанов Михаила Жукова и Миллера: оные в лагерь при резервной артиллерии на правое крыло поставлены, а команда, состоящая из двадцати четырех человек бомбардир и гатлингеров с тремя унтер-офицерами, во всякой опрятности стали в строй. Генерал-фельдмаршал, по отправлении благодарственного

молебна о таком высоком дне, вышел со всеми ипострадными принцами, генералитетом и волонтерами, как ту артиллерию, так и команду смотреть, что весьма хорошо показалось, и достойную хвалу прикладывали»¹⁴.

Помимо благородства, волонтер должен был обладать смелостью, обходительностью, утонченностью, образованностью, умеренностью, щедростью, достатком. Отсутствие этих качеств ставило его в неловкое положение.

Фельдмаршал Буркхард Христофор Миних (1683–1767) насмешливо писал 21 августа 1738 г. императрице Анне: «...цесарский полковник барон Реске, милорд Крафорт и прочие волонтеры обретаются еще донныне при мне; и кондуит онаго полковника весьма добрый и часто упоминал, дабы он от вашего императорского величества цесарскому двору, чтоб мог достать полк, был рекомендован и при всех акциях при мне был неотлучно и все наши поступки видел, и при том, хотя человек и не убог, однако, как видно, экономен. А понеже часть его багажа оставлена была в Рашкове, где был неприятель, все разорил, и потому опасается, дабы и его оставленный был не взят; того ради не соизволите ли ваше императорское величество его полковника с такою все милостивейшей рекомендациею и некоторым награждением отпустить...»¹⁵.

Роскошь таила другие угрозы. Согласно Томасу Маколею (1800–1859), когда во время Семилетней войны 1756–1763: «Несколько молодых знатных англичан хотели отправиться в Германию волонтерами, чтобы изучить воинское искусство под руководством величайшего полководца, Фридрих вежливо, но решительно отказал им. Он не считал лагерь своим местом, в котором можно было явиться изучать в качестве любителя военную науку. Прусская дисциплина была строга до жестокости. В продолжение кампаний, офицеры были обязаны к такой воздержанности и забвению самого себя, которые могли превзойти самые монашеские ордена. Как бы ни были они благородны по рождению, как бы ни был высок их чин – им не позволялось иметь ничего, кроме оловянной посуды. Если граф или маршал имел в своем багаже одну серебряную ложку, он делался виновным в большом проступке. Трудно было подчинить этим спартанским правилам веселых молодых англичан, владельцев 20 000 дохода, привыкших к свободе и роскоши. Король не отважился бы приуменьшить их провинности, как своих подданных. В том положении, в каком он находился относительно Англии, он почти не мог засадить

в тюрьму или расстрелять какого-нибудь Говарда или Кавендиша. С другой стороны, пример нескольких франтов, со свитой фургонов и лакеев в ливреях, обедающих на серебре и пьющих шампанское и токайское, был достаточен, чтобы развратить всю армию. Он нашел благоразумным не делать опыта и учтиво отказался допустить в среду своих войск таких опасных товарищей»¹⁶.

Смушавшие короля Фридриха II Прусского (1712–1786) обстоятельства не пугали его младших русских современников. Весною 1799 г. посол в Лондоне граф Семен Романович Воронцов (1744–1832) извещал совершавшего итальянский поход графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского (1729–1800): «Вручитель сего лорд Виллиам¹⁷ и лорд Фридрих Бентинк¹⁸ суть дети дюка Портланда¹⁹. <...> Они с дозволения короля своего государя едут служить волонтерами к армии, находящейся под предводительством вашего сиятельства... С выше помянутыми сыновьями дюка Портланда также с дозволения королевского едут другие два офицера: полковник Клинтон²⁰, двоюродный брат дюка Ньюкастль²¹, сын генерала и кавалера Клинтона²², который в 1773 году был волонтером в армии графа Румянцева, да капитан Свинбурн. Все они офицеры, имеют крайнее желание служить под предводительством славнейшего в наши времена полководца»²³.

Суворов откликнулся: «Милостивый государь мой граф Семен Романович! Лорды, дети патриотизмом славящегося дюка Портланда, и господа Клинтон и Свинбурн вручили мне письмо вашего сиятельства, я весьма порадован приобретением сих толико знаменитостью рода и похвальным рвением к воинским подвигам отличающихся великобританцев. Препоручение вашего сиятельства приемлю я в истинной его цене и потщусь доставить им случай к удовлетворению их желания...»²⁴.

Подобная любезность требовала подтверждения делами. Тот же Суворов 10 августа 1788 г. в письме из Кинбурна Иосифу Михайловичу де Рибасу (1751–1800) возмущался засильем иностранцев: «Сие всерьез. <...> Проклятые волонтеры, самый проклятый Дама²⁵, словно мне равный. Хоть бы и князь. Титул предков ничто, коли не доблестью заработал... Коли не в нашей службе, с радостью уступлю место Нассау²⁶ – иностранцу, а иначе – ни за что, хоть бы даже и в одном был со мною чине. Ежели пужно, скажите об этом графу Браницкому²⁷; пусть бы даже был он герцогом и пэром Франции, ни ему не уступлю, ни Ангальту²⁸, ни другим, ежели будут со

мною в одной службе... В другой раз, коли так придется, выгоню их, да и наших, кнутом, ибо за исход боя я отвечаю, а ежели им угодно, так я их саблел...»²⁹.

Суворовскую ярость легко понять. Своими советами титулованные гости мешали управлению войсками. В 1737 г. критические замечания командированного к русской армии австрийского полковника Иоганна Леопольда барона фон Беренклау цу Шенрейта (1700–1746) вызвали заметное охлаждение между Санкт-Петербургским и венским дворами. Под давлением Миниха зарвавшегося офицера отозвали³⁰.

Принятие иноземцем действительной службы с безоговорочным подчинением командованию, превращавшее его в пасмника, решало многие проблемы. Граф Миних 17 сентября 1738 г. подписал представление о зачислении в войска «аглицкого волонтера Мекензи», донося, что «два другие аглицкие волонтера приняты уже на службу (Фулертон³¹ – поручиком в Киевский пехотный полк, и Повер – прапорщиком в Шлиссельбургский пехотный полк), а третий французский волонтер Клифтон отправился во Францию»³².

В XVIII в. при русской армии состояли датские, британские, германские, нидерландские, испанские, итальянские, шведские, французские волонтеры. Переход к современным способам комплектования войска постепенно вытеснял привычные формы. 28 июля 1870 г. император Александр II окончательно запретил русским подданным «вступать волонтерами в службу воюющих в настоящее время держав, так как подобное дозволение было бы нарушением принятой Его Величеством твердой решимости соблюдать строгий нейтралитет при настоящем столкновении Франции с Пруссиею»³³.

Со временем волонтеры потеряли прежние привилегии, превратившись в «обычных» добровольцев.

¹ Вести-Куранты 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг. Часть I. Русские тексты // Под ред. А.М. Молдавана и И. Майер. М., 2009. № 12. 27 июня – 5 июля 1664.

² 1697 марта 9 – 1698 августа 25. Путевой журнал Великого посольства // Ф. Лефорт. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 351.

³ Согласно другим данным, его рождение приходится на 1684 или 1685 гг.

⁴ Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 31.

⁵ отождествление волонтерства с относительной независимостью от субординации оказалось устойчивым. Стремявшийся перейти летом 1806 г. в действующую армию Денис Давыдов вспоминал: «Тщетны были старания мои. Я не

мог найти не только ходатая, но даже человека, в котором бы хотя мало-мальски отозвалось брожение чувств моих. Везде на похино, кинящую и в душе и в глазах, и в словах моих, встречал я прозаическое слово: "Это вам делает честь!" – "Умилосердитесь! Я не похвалы прошу, я прошу помощи: не дайте мне заглохнуть в гарнизонной службе и на придворных балах; дайте подышать чистым воздухом!" – "Вы знаете, что государь не любит волонтеров". Я принимал за клевету такое святотатственное слово насчет государя императора, почитая за сверхъестественное дело, чтобы русский царь не любил тех, кои рвутся вперед..." (Цит. по: Давыдов Д.В. Сочинения. М., 1962. С. 185).

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. VI. СПб., 1830. С. 513.

⁷ Джон Беркли (1602–1678), с 1658 г. 1-й барон Беркли оф Стрэттон.

⁸ Роберт Верден (ок. 1622–1690), с 1688 г. генерал-лейтенант.

⁹ Cust E. Lives of the Warriors of the Civil Wars of France and England: Warriors of the Seventeenth Century. L., 1867. P. 48.

¹⁰ Левиш Л.И. Российский генералиссимус герцог Антон Ульрих (История «Брауншвейгского семейства в России»). СПб., 2000. С. 45.

¹¹ Джон Линдсей, 20-й граф Крофорд и 4-й граф Линдсей (1702–1749), шотландский пэр, в 1734 г. гроссмейстер английской масонской ложи (The Premier Grand Lodge of England), с 1747 г. генерал-лейтенант. Автор записок о России.

¹² Кристиан Людвиг, граф фон Изенбург-Бирштейн (1710–1791), ландкомтур гессенского балъяжа Тевтонского ордена, с 1750 г. генерал-лейтенант Гессен-Кассельской службы.

¹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1738. № 45. С. 357.

¹⁴ Русско-австрийский союз 1759. Документы, собранные генерального штаба полковником Масловским // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1887. Кн. I. С. 119.

¹⁵ Всеподданнейшие донесения графа Миниха. Ч. II. Донесения 1737 и 1738 годов / Под ред. А.З. Мышласевского. СПб., 1899. С. 399.

¹⁶ Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений. Т. XIV. СПб., (?). С. 71–72.

¹⁷ Уильям Генри Кавендиш-Бентинк, известный как лорд Уильям Бентинк (1774–1839), в 1799 г. полковник и королевский адъютант, второй сын Уильяма, 3-го герцога Портланда. В 1828–1835 гг. генерал-губернатор Индии.

¹⁸ Фредерик Кавендиш-Бентинк, известный как лорд Фредерик Бентинк (1781–1828), младший брат предыдущего.

¹⁹ Уильям Генри Кавендиш-Бентинк, 3-й герцог Портланд (1738–1809), в 1783 г. и 1807–1809 гг. премьер-министр Великобритании.

²⁰ Сэр Генри Клинтон (1771–1829), участник наполеоновских войн, с 1813 г. генерал-лейтенант. При Ватерлоо (1815) командовал дивизией. Совершив вместе с русской армией Итальянский и Швейцарский походы, удостоился лестного отзыва Суворова, продиктовавшего ему свои правила ведения войны.

²¹ Дед суворовского волонтера Генри Клинтона, адмирал Джордж Клинтон (1686–1761) приходился младшим братом Генри Клинтону, 7-му графу Линколы (1684–1728), сын которого Генри Нелэм-Клинтон (1720–1794) с 1730 г. носил титул 9-го графа Линкольна, а в 1768 г. стал 2-м герцогом Ньюкастлом (2nd Duke of Newcastle-under-Lyme).

²² Генерал сэр Генри Клинтон (1730–1795), с 1778 г. возглавлял британские

войска в войне Североамериканских колоний за независимость.

²³ Суворов А.В. Письма. М., 1987. С. 715.

²⁴ Там же. С. 341.

²⁵ Граф Роже де Дама (1765–1823), французский аристократ, восставший в русской армии.

²⁶ Карл Генрих (Шарль Анри) принц Нассау-Зиген (1743–1808). С 1789 г. вице-адмирал Балтийского флота.

²⁷ Граф Франциск Ксаверий (Ксаверий Петрович) Браицкий (1730–1819), с 1774 г. великий коронный гетман.

²⁸ Виктор Амадей, принц фон Ангальт-Бернбург-Шаумбург-Хойм (1744–1790), с 1788 г. генерал-поручик русской армии.

²⁹ Суворов А.В. Указ. соч. С. 168–169.

³⁰ Манштейн Х.Г. Записки о России // Перевороты и войны. М., 1997. С. 121–122.

³¹ Роберт Фаллартон оф Дадвик (ок. 1709–1786), шотландский дворянин, с 1760 г. генерал-майор русской службы. Опубликованный «Эдинбургским магазином» некролог опрометчиво именует его генерал-лейтенантом и кавалером дамского (I) ордена Св. Екатерины: «7 March 1786... At his house of Dudwick, in the 77th year of his age, Robert Fullerton of Dudwick, Lieutenant-General in the Russian Service, and Knight of the Order of St. Catharine [died]». Op. cit.: The Edinburgh magazine, or Literary miscellany. Vol. III. Edinburgh, 1876. P. 467.

³² Всеподданнейшие донесения графа Миниха... С. 415.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLV. СПб., 1874. С. 98. № 48588.